

мою во свидетельницы, что я не сказал ничего дерзкого.

Августин

Однако унижать других – гораздо худший вид гордости, чем превозносить себя не по заслугам, и я охотно предпочел бы, чтобы прославлял остальных, а себя ставил еще выше их, нежели, чтобы, растоптав всех, ты с неслыханной гордостью выковал из презрения к другим шит для своей скромности.

Франциск

Прими это как желаешь, но я ни себе, ни другим не придаю большой цены. Мне противно рассказывать, какое мнение я имею о большинстве людей на основании опыта.

Августин

Себя презирать – всего безопаснее, других же – крайне опасно и к тому же вполне бесполезно. Но перейдем к дальнейшему. Знаешь ли, что еще отвращает тебя от цели?

Франциск

Скажи все что угодно, только в одном не обвини меня; в зависти.

Августин

Я хотел бы, чтоб гордость вредила тебе не больше, чем зависть, потому что от этого порока ты, на мой взгляд, свободен. Но я хочу сказать о другом.

Франциск

Отныне ты не смутишь меня никаким обвинением. Скажи открыто, что заставляет меня блуждать вкривь и вкось?

Августин Жадное стремление к земным благам.

Франциск Заклинаю тебя, перестань. Большой нелепости я никогда не слыхал.

Августин

Ты сразу вышел из себя и забыл собственное обещание. Ведь речь идет уже совсем не о зависти.

Франциск

Но об алчности, а этот порок едва ли кому более чужд, чем мне.

Августин

Ты много оправдываешься, но верь мне, – ты не так свободен от этой заразы, как тебе представляется.

Франциск

Я-то не свободен от порока алчности?

Августин

И даже от честолюбия.

Франциск

Ну что ж, тесни меня, нагромождай, исполняй твою должность обвинителя. Я жду, какую новую рану ты захочешь нанести мне.

Августин

Подлинное свидетельство истины ты называешь обвинением и раной? Поистине, прав был сатирик, сказав:

Тот обвинителем станет, кто выскажет истину...

и не менее справедливы слова комика;

Угодливость родит приязнь, а правда – злость.

Но скажи мне, пожалуйста: к чему эти беспокойства и заботы, гложущие твою душу? Для чего понадобилось тебе в пределах столь короткой жизни строить столь далекие надежды?

Жизни размеренный срок

Нас учит: безумен умысел дальний.

Ты постоянно читаешь это, но оставляешь без внимания. Ты ответишь, вероятно, что тобою руководит в этом деле любовь к друзьям, и постарайся дать красивое имя своему заблуждению. Но какое безумие объявлять войну и ненависть себе самому из желания быть кому-нибудь другом!

Франциск

Я не так черств и бездушен, чтобы чураться заботы о моих друзьях, особенно о тех, к кому я привязан ради их добродетели или заслуг; ибо пред одними из моих друзей я преклоняюсь, других уважаю, иных люблю, иных жалею; но, с другой стороны, я и не столь великодушен, чтобы обрекать себя на гибель ради друзей. Разум велит мне, пока я жив, иметь кое-какой запас для дневного